

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ПРОФЕССИЯ В ИЕРАРХИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРИОРИТЕТОВ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА (на примере региональной науки)*

А.М. Аблажей

Институт философии и права СО РАН,
Новосибирск

ablazhey@philosophy.nsc.ru

В статье реконструировано отношение российского общества к науке, шире – академической сфере в целом, характерное для советского и постсоветского периодов. Эмпирической основой анализа стали материалы интервью с учеными и преподавателями вузов регионов юга Сибири: Тувы, Хакасии, Республики Алтай, а также включенного наблюдения. Показано, что положение науки в системе социальных институтов изменилось, однако на уровне традиционной культуры еще сохранились прежние стереотипы пиетета перед сферой интеллектуального производства и людьми, занимающимися такого рода деятельностью. Что касается институтов государственной власти, то чаще всего отмечается непонимание возможностей науки с их стороны на региональном уровне. Власть на местах не считает нужным проводить обсуждение тех или иных проблем с участием ученых, в отличие от советского периода. В этих условиях жизненно важной задачей для региональных научных сообществ становится выработка и реализация тщательно продуманной и реалистичной стратегии взаимодействия с местной властью.

Ключевые слова: наука, региональное научное сообщество, традиционная культура, ценности, стратегии взаимодействия.

В данном тексте сделана попытка реконструировать отношение общества к науке, шире – академической сфере в целом, характерное для двух условно выделенных нами временных периодов: «прежде» (советская наука, до 1990 г.) и «теперь» (постсоветская). Полевой этап исследования проводился на протяжении 2002 – 2011 гг.; анализировались прежде всего тексты интервью с научными сотрудниками и преподавателями вузов республик Тува, Хакасия и Алтай и материалы включенного наблюдения; в ряде случаев использованы материалы ряда количественных исследований (анкетных опросов). Исходя из специфики

анализируемого эмпирического материала, в тексте отражены в первую очередь представления *самих ученых* о том, какое место в социальной иерархии представители академической профессии занимали раньше и занимают сегодня. Выбор в качестве места исследования республик юга Сибири дал возможность показать динамику отношения к науке, к профессии ученого или преподавателя высшей школы в рамках обществ и культур, где обособление интеллектуального труда и выделение особого слоя людей, исключительно этим трудом занятых, произошло совсем недавно, будучи одним из важнейших элементов про-

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 12-03-00274 «Постсоветская наука: генезис, специфика, перспективы и направления трансформации».

цесса социальной модернизации. Следует обратить внимание на то, что в данном случае ученых и преподавателей просили оценить как личное профессиональное и социально-психологическое самочувствие, так и положение дел в российском научно-преподавательском сообществе в целом. Кроме того, подробно обсуждался вопрос о том, какова специфика положения науки в сравнении с другими социальными институтами на сегодняшний день.

Для всех наших собеседников абсолютно бесспорной была убежденность в том, что «раньше» (очевидна нечеткость такого временного разграничения и, более строго хронологически, это можно было бы ограничить периодом 1940 – 1980-х гг., что особенно характерно для Тувы) положение науки и ученого, преподавателя вуза, степень уважения к образованным людям вообще, к национальной интеллигенции были совершенно иными, чем сегодня. Один из участников исследования выразил эту мысль предельно четко: *«Раньше мы были белая кость, уважаемые люди. Особенно для восточного общества <...> они уважали учителей, а сейчас я просто по глазам своих студентов вижу – мы на мобочине дороги»* (преподаватель вуза, Республика Тыва). Наличие многолетних традиций уважения, почет, не говоря уже о престиже, которым были окружены еще совсем недавно образованные люди, в первую очередь ученые и вузовские преподаватели, подчеркивали практически все участники исследования.

Другой наш собеседник, подтверждая, с одной стороны, эту мысль, выразил уверенность, что это уважение еще сохраняется на уровне мировоззрения сельского жителя, продолжающего оставаться во многом носителем традиционного сознания: *«Ученые – это была Интеллигенция с большой буквы,*

к ним здесь (в Туве) относились с большим пиететом и, в общем-то, это до сих пор сохранилось, по крайней мере, за пределами Кызыла. Там кандидат наук, ученый, преподаватель университета – уважаемый человек, все-таки это сохранилось и, как мне говорили коллеги-тувинцы, у тувинцев еще сохраняется в сельской местности (убеждение в том), что ученый – вот это действительно большой человек, и то, что он скажет, просто последняя инстанция» (научный сотрудник, Республика Тыва).

В ходе исследования не мог не прозвучать вопрос о национальном аспекте существования научного сообщества, в связи с чем подробно обсуждался вопрос о том, есть ли различия в оценке престижа науки для русских и представителей титульного населения, насколько ценна для последних научная карьера как таковая: *«Я, честно говоря, пытался это анализировать, но анализа не получается. <...> Я бы сказал так – тенденция одинакова для всех. Мы выбираем из русских и тувинцев совершенно одинаково, ведь ученый – это иштучный товар. Я абсолютно не могу сказать, что вот эти лучше, а другие хуже»* (научный сотрудник, Республика Тыва).

Несмотря на то что в современных условиях престиж сферы интеллектуального труда падает, выбор научной или преподавательской карьеры тем не менее остается одним из каналов социальной мобильности. Наши собеседники выразили уверенность в том, что *«это один из способов как-то выдвинуться <...> в целом в жизни это помогает: и для престижа, и в карьере, ну и во всем; для личного удовлетворения в статусе; если нет больше возможностей как-то подняться, [можно] продвигаться через науку. Была бы возможность сделать карьеру в других сферах <...> они бы там нашли свое применение и успешно работали <...> люди идут из низов в науку, из небогатых семей <...> приезжают из деревень, заканчивают уни-*

верситет, и что им остается – опять в деревню ехать? Вот они и ищут нишу, <...> они в науку идут. У нас все научные сотрудники в основном из деревни» (научный сотрудник, Республика Хакасия).

В ходе исследования подтвердилась мысль о том, что защита диссертации в современных условиях приобрела значение не столько в качестве подтверждения научной квалификации и средства успешного продолжения научной карьеры, сколько пропуска в более престижные сферы деятельности, в первую очередь в органы власти. «Многие относятся к защите диссертации как возможности выдвинуться, получения определенных должностей, и люди такие наукой не занимаются. Вот у нас в правительстве очень много наших выпускников, они защитились <...> В науку пошли единицы, потому что как только человек приобретает какую-то степень, его тут же эти структуры (властные – А.А.) привлекают к себе» (научный сотрудник, Республика Тыва). Очевидно, что общая для российской науки проблема – уход научных сотрудников в другие сферы деятельности, а также отъезд за границу – приобрели в условиях национального региона (Республика Тыва) специфический характер, когда научные учреждения выполняют роль кузницы кадров в первую очередь для властных структур. Отмеченная на примере других национальных республик Сибири тенденция концентрации образованного слоя титульного населения главным образом в гуманитарных дисциплинах [6] в данном случае трансформировалась – здесь эти дисциплины выполняют роль центров подготовки и далее транзитного пункта при внутренней миграции: из науки и высшей школы в органы управления. Кроме того, отношение к науке преимущественно как к средству карьерного роста и преимущественно в других сферах де-

ятельности, где важно не то, как и что ты изучал, сколько наличие формального подтверждения своих способностей (диплом кандидата наук), приводит к тому, что «некоторые вроде как и нормально заканчивают вузы, но поскольку они не осознают, что такое аспирантура, они так долго и учатся. И тема может быть хорошая, и в лучшем случае они даже защитятся, но потом это как-то замедляется, застопоривается» (преподаватель вуза, Республика Тыва). Другими словами, наука зачастую становится не целью, а средством, и вложенные в свой статус деньги и время можно и нужно компенсировать в других сферах.

На этом примере хорошо видно, что положение науки изменилось, а на уровне традиционной культуры еще во многом сохранились прежние стереотипы; таким образом, ее оценка на уровне массового сознания, с одной стороны, и членов научного сообщества – с другой, сильно отличаются. Сегодня немало таких, кто «считает, что напишет кандидатскую как диплом и будет большим человеком, со всеми вытекающими последствиями <...> что это возможность получения каких-то льгот, хотя ничего такого уже давно нет» (научный сотрудник, Республика Тыва).

Одной из ярких черт, характеризующих положение науки и ученых в социальной иерархии современной России, стало невнимание к их нуждам и непонимание возможностей науки со стороны региональных властей. По мнению наших собеседников, власть на местах, совершенно не понимая роли и значения науки, не считает нужным проводить обсуждение тех или иных проблем с участием ученых: «В республике вообще такое отстраненное отношение к науке <...> все делают вид, что науки нет, но она тем не менее есть и развивается абсолютно автономно». Когда того же собеседника попроси-

ли сравнить нынешние взаимоотношения власти и научного сообщества с теми, которые были характерны для советского периода, то выяснилось, что в то время они были гораздо более тесными и конструктивными: «в сравнении с советским периодом статус науки был выше, потому что мы контактировали с обкомом партии, и они как раз признавали знания, пользовались очень часто... естественно, что наши работники постоянно писали всевозможные доклады. Что касается моих личных впечатлений, то я чувствовала, что мое мнение интересно. Сейчас это никому не интересно вообще; средства массовой информации тоже не очень активно интересуются нашим мнением <...> К нам власть никакого интереса не проявляет, это абсолютно точно» (научный сотрудник, Республика Тыва). Получается, что опека и контроль, которыми так тяготились ученые в советское время, сегодня воспринимаются ностальгически? Вероятно, ответ не так прост и очевиден, как кажется. В качестве одного из вариантов ответа можно предложить следующий: на местах, в частности в той же Тыве, образованные люди воспринимались как часть элиты, их мнение принималось во внимание, знания использовались. Кандидат или доктор наук, доцент, профессор – это было престижно. А ради этого престижа можно было и пожертвовать той самой академической свободой, которая, казалось бы, является неотъемлемой частью науки. (Не стоит, правда, забывать, что и наука как социальный институт, и академическая свобода как ценность – это порождение западно-европейской цивилизации, которые в иных социокультурных условиях неизбежно видоизменяются).

Положение не спасают даже те люди из властных органов, которые сами прошли через аспирантуру и защитили диссертации, увеличив тем самым свой социаль-

ный капитал. Почему так происходит? По мнению одного из опрошенных нами ученых, связано это с тем, что «просто по пальцам можно перечесть тех, кто понимает, что такое наука, т. е. они сами прошли вот это все, не получили готовое» (научный сотрудник, Тува). Очевидно, что остальные, не попавшие в число тех, кто, по словам респондента, «понимает, что такое наука», рассматривали учебу в аспирантуре и защиту диссертации только как удобную ступеньку в карьере, даже не ставя себе задачу усвоения корпоративных ценностей, свойственных научному сообществу: «если говорить о настоящей науке, то, по сути, это бессеребренничество и полная отдача. Тогда только можно говорить, что этот человек ученый» (научный сотрудник, Республика Тыва).

Перейдем к оценке учеными положения дел внутри научного сообщества. Здесь одним из первых, задавших тон всему дальнейшему исследованию, задавался вопрос о том, как респонденты оценивают общее состояние науки в России в настоящее время. Результаты показывают, что среди ученых – членов региональных научных сообществ, в целом преобладают сдержанно-оптимистические настроения. При этом, правда, лишь двое из респондентов выразили уверенность в том, что наука в нашей стране находится в «нормальном состоянии». Необходимо подчеркнуть одно важное обстоятельство: подобные оценки представляют ценность еще и в силу того факта, что лишь один из обследованных институтов (а именно Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов – ТувИКОПР) относится к Сибирскому отделению РАН, вследствие чего лишь это научное учреждение может быть с полным правом названо академическим. (Отметим, что именно ТувИКОПР оказался в числе

двух институтов Сибирского отделения, который получил вторую категорию по результатам внутреннего рейтинга учреждений Академии наук, обнародованного в декабре 2012 г. Аналогичный случай – Институт горного дела Севера им. Черского, расположенный в Якутске [3]. Это убеждает нас в том, что академическая наука испытывает сегодня серьезные трудности в первую очередь на уровне национальных республик). Остальные обследованные нами научные учреждения, во-первых, относятся исключительно к гуманитарной сфере; во-вторых, наряду с местными вузами, находятся в ведении республиканских министерств образования, что не может не оказывать определенного влияния на мнение сотрудников, поскольку от воли местной власти напрямую зависит финансовое благополучие институтов. Таким образом, наибольший удельный вес, как уже говорилось, сдержанно-оптимистических оценок (положение пусть нестабильное, но не безнадежное, ситуация тяжелая, но сохраняются надежды на улучшение) говорит в том числе о том, что на уровне регионов за годы реформ местные научно-образовательные сообщества предпринимали значительные усилия для налаживания сотрудничества с республиканскими и городскими властями, адаптируясь тем самым к изменившимся условиям деятельности. Но сохранение серьезных экономических и социальных проблем в национальных регионах, прежде всего раздаточной, по сути, экономики (за исключением разве что Хакасии), является самым серьезным сдерживающим фактором для кардинального улучшения ситуации.

Важное значение имели ответы респондентов на вопрос о том, как изменилась структура научных исследований институ-

тов и вузов, где они работают, за последние годы. Очевидно, что анализ полученных ответов должен был дать хотя бы частичное представление о том, каков уровень адаптации научных учреждений ко все настойчивей звучащим призывам «вернуться лицом к насущным проблемам», сделать свои результаты более востребованными. Полученные результаты свидетельствуют о том, что сложившаяся за многие годы структура исследований изменилась не так кардинально, как этого следовало ожидать. Более трети респондентов посчитали, что никаких изменений в ней не произошло. Но определенные изменения все же имеют место: по мнению почти 16 % опрошенных, усилилась прикладная направленность исследований; почти 20 % ученых отметили, что на фоне ослабления фундаментальных усиливаются прикладные исследования. При этом лишь чуть более 4 % ученых считают, что такого рода усиление характерно в отношении фундаментальных направлений. Четверть опрошенных оказались еще более категоричными, указав, что в настоящее время ослабевают и фундаментальная, и прикладная составляющие научного поиска [2, с. 250].

Еще одна негативная тенденция последнего времени, ставшая следствием взгляда на науку как на источник прикладного знания, – постепенная утрата свободы научного поиска, переход ученых на положение плохо оплачиваемых экспертов: «*Видите ли, сейчас такой подход: вы получаете деньги, зарплату – вы ее отработываете. Какие-то заказы из правительства поступают, из министерства образования, мы их отработываем, поскольку получаем от них заработную плату. Отдельно это не оплачивается, они нам задания шлют и шлют. То информационную справку составь, то выступление. Вот так они относятся к нам*» (науч-

ный сотрудник, Республика Хакасия). Поясним: речь в данном случае идет о Хакасском НИИ языка, литературы и истории, полностью зависящем от дотаций региона. В подобных условиях вполне понятно желание (и возможность) местной власти использовать потенциал научных сотрудников института в своих интересах, зачастую никак не оплачивая эту, по сути, дополнительную, занятость.

Особый интерес вызвала оценка членами научного сообщества принятых мер по реорганизации управления отечественной наукой: как на уровне отдельного учреждения, так и организации науки в целом. По мнению коллег из регионов, относительно удачными оказались лишь усилия по введению выборности директоров институтов (положительных оценок больше, чем отрицательных). Все остальные меры в целом не принесли желаемых результатов, при этом наихудшие результаты, по мнению респондентов, были получены при реализации таких мер, как введение конкурсной системы отбора исследовательских тем при распределении бюджетного финансирования, содействие развитию в институтах малых инновационных фирм, создание российских научных фондов. Наиболее примечательным оказалось то, что подавляющее большинство респондентов затруднились с ответом, доказав, таким образом, что все перечисленные мероприятия работают лишь на «уровне больших чисел», т. е. столичных и крупнейших научных центров типа Новосибирска, не оказывая почти никакого влияния на положение провинциальной науки. Однако при всем этом немногим менее половины опрошенных (почти в полном соответствии со своей в целом сдержанно-оптимистической оценкой положения на-

уки) все же посчитали, что данные мероприятия повысили продуктивность научного сообщества, тогда как несогласных с подобной оценкой в два раза меньше.

Нас интересовало также мнение ученых о состоянии института, где они работают (эти вопросы вызвали самый живой интерес со стороны руководителей научных учреждений). Полученные оценки не слишком радужные, поскольку кризис финансирования, небольшие (даже на фоне в целом более низких доходов в этих регионах) зарплаты сильно детерминируют мнение о положении учреждения в целом: половина опрошенных считают, что в современных условиях речь может идти максимум о выживании института. Явные пессимисты, правда, в меньшинстве: лишь около 2 % респондентов уверены, что нарастают разрушительные тенденции; еще немногим более 10 % посчитали, что кризис прошел, но прежний уровень восстановить не удастся. Достаточно велика (около 1/5) доля оптимистов, по мнению которых, кризис уже прошел; институт, в котором они работают, сохранил потенциал, идет развитие. Как правило, в большинстве своем это научные сотрудники молодого и среднего возраста [1, с. 72].

Крайне противоречивая ситуация сложилась на сегодняшний день в отношении к такому новому для российской науки явлению, как коммерциализация. Анализ этой проблемы актуален для нас в силу того обстоятельства, что стремление коммерциализировать науку является одним из наиболее ярких признаков ее неолиберальной трансформации. Примечательно, но даже те исследователи и управленцы, которые настаивают на том, что наука (в том числе фундаментальная) должна себя окупать, согласны, что этика научного поиска и заин-

тересованность в коммерческом успехе его результатов как поведенческие стратегии слабо согласуются друг с другом: «В принципе академическая и деловая (предпринимательская) культура, этика, мотивация весьма различны, порой противоречивы, что создает основу конфликта. Сочетание научного творчества и предпринимательства далеко не всегда успешно, чаще приходится делать тот или иной выбор. Однако практика последних лет показывает, что научное предпринимательство на индивидуальной основе становится одним из наиболее динамичных сегментов и движущих сил современной науки» [4].

В большинстве своем члены местных научных сообществ относятся к коммерциализации науки отрицательно. При ответе на вопрос о том, какое влияние оказывают на положение науки в городе и республике попытки перевода научных учреждений на самоокупаемость, попытки самостоятельного поиска потребителей научной продукции, почти половина указали, что в целом его следует оценивать негативно. Еще около трети опрошенных дали неопределенный ответ («как негативное, так и позитивное»), что, вероятнее всего, свидетельствует о том, что значительная часть респондентов еще не составила для себя определенного мнения по данному вопросу – вероятнее всего, в силу того, что просто не сталкивались с этим в своей работе [2, с. 253]. Исходя из подобного распределения оценок очевидно, что все попытки реформировать российскую науку (во всяком случае, когда речь ведется о периферийных научных центрах) в направлении увеличения удельного веса ее коммерческой составляющей фактически не удалась и приоритеты ученых на местах в этом отношении мало изменились.

Стоит в этой связи отметить, что на федеральном уровне зреет решимость лишить фундаментальную науку нынешнего положения, переложив затраты на ее содержание непосредственно на общество: «инерционная стратегия поддержания автономных научных институтов, которые занимаются исключительно фундаментальными научными проблемами, рано или поздно столкнется с непреодолимыми трудностями, когда ограниченное в своих ресурсах государство, руководствующееся предсказуемой в своей утилитарности логикой, теми или иными способами сломает «непримиримый фундаментализм» академического сообщества, изменив его функции на более рентабельные <...> более верным представляется перемещение фундаментально-научной деятельности из вымирающих или подлежащих трансформации академических институтов в сферу высшего образования, в первую очередь университетов, что, с одной стороны, может оздоровить как эту последнюю, так и предоставить науке то пространство свободы исследования, которое органично может сочетаться с университетской свободой преподавания». [5] Если следовать логике этого рассуждения, то сейчас академическая наука и неэффективна и несвободна, однако это далеко не так. Наши исследования убедительно доказывают, что академические институты, по крайней мере входящие в состав Сибирского отделения РАН, за эти годы сумели успешно адаптироваться к новым условиям деятельности, на деле стали элементом инновационной системы.

Положение науки на периферии, естественно, существенно отличается от ситуации в крупных научных и образовательных центрах. Исходя из изложенных

выше результатов, планы ускоренной коммерциализации науки на местах, если они есть, нуждаются в самой серьезной корректировке. Приведем в этой связи отрывок из интервью, который ярко показывает, какова позиция ученых в регионах (тех самых ученых, которые убеждены, что их научные учреждения, как и они сами, – это часть культурного достояния их народов) в отношении, с одной стороны, планов перевода науки в вузы (когда проведение исследований становится не основным занятием, а лишь по большому счету способом поддержания необходимой квалификации для вузовского преподавателя); с другой – возможности решения поставленной перед учеными задачи самостоятельного поиска денег на занятия наукой: *«У нас вообще есть люди, которые заявляют: “Фольклористика, а зачем она нужна? Зачем вы сидите, вы не востребованы. В вас, в вашей работе никто не нуждается, в том, что вы собираете, что вы пишете. Это никому не нужно. Надо зарабатывать деньги. <...> Есть преподаватели вузов, они же занимаются наукой, вот как они и зарабатывают»*. Когда мне говорят – *«зарабатывают деньги, меня всегда удивляет: как? каким образом?»* (научный сотрудник, Республика Хакасия).

Не менее интересен и другой феномен. Отрицательно относясь к процессу коммерциализации науки, ученые в то же самое время категорично утверждают, что низкий уровень доходов в науке остается главным фактором, из-за которого люди уходят в другие сферы деятельности, а молодежь не идет в науку (около 2/3 ответивших) [1, с. 72]. Следом за этим важнейшим фактором по значимости следует нерешенность жилищных проблем, что также имеет непосредственное отношение к проблеме доходов. Получается, что процесс увели-

чения доходов в науке, процесс, от которого зависит само выживание науки, с точки зрения наших респондентов, не должен сопровождаться процессом ее коммерциализации, что полностью противоречит государственной политике (как на уровне федерального центра, так и на уровне регионов) в отношении и фундаментальной, и вузовской науки в России.

На официальном уровне (Президиум РАН, Комитет Государственной Думы по науке и образованию и т. д.) широко пропагандируется деятельность российских научных фондов, таких как РФФИ и РГНФ, а дискуссии, неоднократно возникающие в прессе, в парламенте, в научном сообществе, в блогосфере относительно планов сокращения их финансирования (что случалось уже не раз), показали, что эти структуры обладают еще и достаточно влиятельными группами поддержки. При этом лейтмотив большинства выступлений был следующим: финансирование исследований через научные фонды является, без сомнения, одним из наиболее эффективных средств, позволяющих адаптировать российскую науку к новым условиям существования, поскольку они распределяют бюджетное финансирование через систему конкурсов. Важность государственных научных фондов для полноценного функционирования науки в России подчеркнул также вновь избранный президент В. Путин, обещая поднять их финансирование в разы.

Чтобы выяснить мнение самих ученых на этот счет, респондентов просили оценить полноту осуществления такой меры по реорганизации российской науки, как создание отечественных научных фондов. Полученные ответы, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что научные сообще-

ства на местах слабо включены в сферу их влияния (поскольку большинство обследованных нами институтов – гуманитарного профиля, то очевидно, что речь идет в первую очередь о Российском гуманитарном научном фонде). Наиболее популярны следующие варианты ответов: эта мера «удалась частично» и «трудно сказать» [2, с. 260]. Попытки фондов наладить взаимодействие с местными администрациями путем проведения совместных конкурсов с рядом республик, например Хакассией или Тывой, пока не принесли, как видно, значимых результатов на уровне региональных научных сообществ. Объясняя причины такого положения дел, ученые в регионах либо ссылаются на свое незнание о проводимых конкурсах или неумение писать заявки в фонды (нет навыков, сложности с оформлением), либо уверены в том, что у них нет никаких шансов по сравнению с учеными из крупных научных центров: «А как на гранты? Вы там все заняли уже, Новосибирск и Москва, все ниши заняли, мы не можем провататься <...> У нас ученые в регионе, Вы видите, еще не адаптировались к грантам, еще не изменили свое мировоззрение» (научный сотрудник, Республика Хакасия).

В этом же контексте ученым задавался вопрос о том, как они в целом оценивают систему конкурсного распределения средств на научные исследования, например, через предоставление грантов. Здесь вновь проявилась уже отмеченная нами тенденция: в провинции не сложилось устойчивое представление о том, что деньги на науку можно искать и находить путем подачи заявок в фонды, а не только лоббируя свои интересы в высоких кабинетах: более трети опрошенных вообще не дали никакого определенного ответа. Самая большая часть респондентов – немно-

гим менее половины, считают, что гранты в состоянии обеспечить лишь ситуативное выживание науки в России (и эта тенденция совпадает с той, которая уже неоднократно фиксировалась в предыдущих обследованиях научных сообществ, например, в Новосибирском Академгородке). Тем не менее около 1/5 все же посчитали, что такая система отвечает долгосрочным интересам всей науки (не рискуя сильно ошибиться, можно предположить, что именно такова приблизительно доля ученых на уровне регионов, уже имеющих опыт работы по грантам). Наконец, категорически против данной системы (тех, кто считает, что финансирование фундаментальной науки должно осуществляться исключительно из государственного бюджета) менее 10 процентов опрошенных ученых и преподавателей [1, с. 73].

Одним из наиболее серьезных признаков кризиса науки в России признается дефицит молодых кадров, в связи с чем мы специально задавали нашим респондентам вопрос о том, благодаря чему молодежь все же идет в науку. Здесь подтвердилась тенденция, неоднократно отмечавшаяся ранее: по мнению самих ученых, в том числе и молодых, наибольшее влияние имеют тяга к познанию и стремление к творчеству. Значительное влияние на молодежь оказывает сама ученая среда; так, молодые научные сотрудники активно перенимают сложившиеся в научных коллективах традиции общения: «Из тех, кто все-таки попадает в науку, и в частности, те, кто у нас в лаборатории, это ребята, которых удалось заразить получением новой информации собственными руками, скажем так. Т.е. пусть маленькое, но новое, и что это их <...> игра на амбициях в хорошем смысле слова. И вот если удалось зацепить студента на этом, тогда они уже не смотрят на зарплату,

большая она или не большая, они просто, как сейчас принято говорить, ловят кайф от того, что вот они вкладываются, что-то ищут, что это их, что они общаются с учеными <...> у нас с советских времен осталось, [что] к ученикам и аспирантам даже маститые ученые относятся как к коллегам, к равным. Это тоже поднимает их в своих глазах» (научный сотрудник, Республика Тыва).

Специальный блок исследования касался вопросов интеграции науки и образования. Более 2/3 опрошенных ответили, что университеты города играют незначительную роль в подготовке кадров для академической и вузовской науки. В то же время личные наблюдения автора, равно как и опыт общения с целым рядом исследователей, оставили стойкое впечатление, что очень существенная доля научных сотрудников одновременно ведет и преподавательскую работу. Это подтверждают и материалы интервью с заместителем по науке одного из институтов, которые показывают, что на местах небезуспешно пытаются реализовать опыт подготовки научных кадров, отработанный в Новосибирском Академгородке. В ходе интервью заместитель директора одного из обследованных институтов отметил: «у меня здесь микро, такой, вариант Сибирского отделения, т.е. студенты мои <...> они практически здесь (в институтской лаборатории) и работают» (заместитель директора, Республика Тыва).

В то же время можно считать практически бесспорным и тот факт, что подготовка научной смены на местном уровне – почти личная инициатива ученых, поскольку власти зачастую считают, что проще подготовить специалиста в престижном столичном вузе, чем, допустим, в ТувГУ: «...очень большие деньги вкладываются в обучение за предела-

ми (республики), но поскольку отсутствует стратегия, кого посылать и по каким специальностям готовить, то все решается на уровне моды у родителей» (научный сотрудник, Республика Тыва). Вероятнее всего, помимо энтузиазма срабатывает своеобразный инстинкт самосохранения научного сообщества, поскольку опыт показывает, что «вузовский преподаватель, не имеющий возможности время от времени получать отпуск для повышения квалификации или собственной научной работы, тоже дисквалифицируется. Равно как и ученый, вокруг которого нет молодежи» [7].

Среди ученых нарастает ощущение того, что кризисное положение науки в обществе, невнимание к ее нуждам негативно сказывается на квалификации людей, работающих в науке. Почти половина наших респондентов, оценивая профессиональный уровень своих коллег, дали ему среднюю оценку, и лишь один человек поставил высший балл. Анализируя полученные от участников обследования ответы относительно степени их индивидуальной адаптации к новым социальным и экономическим условиям жизни, следует сделать вывод, что здесь картина относительно благоприятная. Более половины обозначили свой уровень адаптации как средний, чуть менее 10 % респондентов вообще выразили уверенность, что они хорошо адаптированы; лишь один (!) человек признался в том, что «совершенно не приспособлен к современным условиям»). Правда, четверть респондентов отметила, что адаптация к новым условиям происходит с трудом.

Менее благоприятная картина наблюдается при оценке респондентами уровня жизни: более 40 % считают, что живут ниже среднего уровня; более 1/5 – на уров-

не, близком к черте бедности. На уровне выше среднего, или тем более на высоком уровне достатка, не живет никто из респондентов [1, с. 74].

Тем не менее ученые в провинции сохраняют достаточно высокую степень привязанности к профессии. Лишь чуть более четверти из них выразили готовность перейти на более оплачиваемую работу вне науки; напротив, более трети уверены в том, что не согласятся на это ни при каких обстоятельствах. Оставшаяся часть респондентов выбрали психологически более нейтральный вариант, не дав вообще никакого определенного ответа, оставляя для себя тем самым свободу маневра.

Анализ мнений ученых о том, какие факторы заставляют их в сложившихся условиях сохранять верность науке, показывает, что ведущую роль играет такой мотив, как любовь к своей профессии, работе, а также желание быть нужным, полезным обществу (по классификации Ю.М. Плюснина – это «свои» люди в науке). Лишь явное меньшинство остаются в науке потому, что не могут найти более подходящего места, равно как и боятся остаться без работы («лишние» люди в науке). Значительная часть ученых все еще сохраняет надежду на позитивные изменения; многих удерживает в науке тот коллектив, в котором они работают, даже в условиях, когда материальное обеспечение оставляет желать лучшего.

Проведенное исследование позволяет сделать несколько важных выводов. Прежде всего, налицо неоднозначное положение различных элементов науки в национальных регионах Сибири. Несмотря на то что многие институты гуманитарного профиля считаются (и продолжают оставаться на деле) важнейшим элементом культурного наследия и развития региона, поддержка

со стороны местных властей не всегда оказывается в нужном объеме. Жизненно важной задачей для региональных научных обществ (при этом речь идет не только о научных учреждениях, полностью финансируемых из местных бюджетов, но и институтах РАН, расположенных на территории национальных территорий Сибири) становится выработка и реализация тщательно продуманной и реалистичной стратегии взаимодействия с местной властью, от которой в условиях дефицита ресурсов, в первую очередь финансовых, зависит очень и очень многое.

Что касается социально-психологического состояния ученых в обследованных регионах, то оно более благоприятно, чем в крупных научных центрах. Возможно, свою роль играет тот факт, что в провинции, на наш взгляд, до сих пор, несмотря на скепсис самих ученых, все еще сохранилось достаточно уважительное отношение к профессии ученого, к гуманитарной карьере в частности. Это сказывается в большем уважении респондентов к своей профессии, значительная часть из них, около 80 %, желали бы, чтобы их дети тоже пошли в науку, тогда в Новосибирске, одном из крупнейших в стране научно-образовательных центров, такое желание выразили не больше половины научных сотрудников. Наконец, учитывая более низкий уровень жизни в провинции в целом, гораздо благоприятны и оценки своего уровня жизни. Несмотря на падение престижа профессии ученого, в обществе вовсе не упал престиж интеллекта, к которому прислушиваются, и если этот интеллект сконцентрирован в научном сообществе, то его мнение становится тем более значимым. Существенно важно также то, что научное сообщество деятельно прояв-

ляет себя как существенная сила интеграции отдельных этносов.

В этом аспекте важную и перспективную роль играет подготовка в структуре науки ее молодого пополнения. Эта подготовка не привязана только к территориальным структурам науки, но ориентируется на наиболее продвинутые научные центры и школы, для которых, в свою очередь, этническая принадлежность не играет никакой роли. Учеба в науке включает в себя и жизнь, и общение в среде, где этнически особенному фактически не придается значения, где доминируют единые ценности науки как профессии и во многом общих для ученых образ жизни вообще. Тем самым на уровне сознания, восприятия людей, общества и мира формируется установка на интегративные связи в обществе, что существенно важно в плане межэтнического, межкультурного взаимодействия, а значит – обеспечения стабильности общества.

В заключение отметим: переход науки на постсоветскую стадию закономерно приводит к постепенной, весьма существенной трансформации системы ценностей и профессиональных приоритетов российских ученых. Воспроизводство науки как социального института и той сложной системы взаимоотношений, которая вокруг него выстраивается, происходит в качественно иных условиях, при том что важнейшие тенденции, складывавшиеся с середины 1990-х гг., когда, собственно, и

началась масштабная реформа российской науки, продолжают сохранять свое значение и сегодня.

Литература

1. *Аблажей А.М.* Современное состояние научных сообществ Сибири (по материалам социологических исследований 2003 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. – 2004. – № 1. – С. 71–74.
2. *Аблажей А.М.* Положение науки и ученого в национальных республиках Сибири (в оценках членов научных сообществ Тувы и Хакасии // Национально-культурная политика в Сибири в XX веке. – Новосибирск, 2004. – С. 247–269.
3. *Быкова Н.* РАН оценила эффективность своих институтов // URL: http://strf.ru/material.aspx?CatalogId=221&d_no=51562 (доступ 21.01.2013).
4. *Иванова Н.* Наука в глобальной экономике // Отечественные записки. – 2002. – № 7. – URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=8&article=386> (доступ 08.09.2010).
5. *Куренной В.* Государство, капитал и мировое научное сообщество // Отечественные записки. – 2002. – № 7. – URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=8&article=373> (доступ 11.02.2011).
6. *Панарин С.* Конфликтный потенциал социально-экономических и этносоциальных процессов в Республике Бурятия. – URL: <http://icsps-project.arcon.ru/buletен3/34.htm> (доступ 01.11.2012).
7. *Цфасман М.* Оптимистическая трагедия: заметки об отечественной науке и образовании // Отечественные записки. – 2002. – № 2. – URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=3&article=174> (доступ 22.03.2012).

THE ACADEMIC PROFESSION IN THE HIERARCHY OF THE SOCIAL PRIORITIES OF THE MODERN RUSSIAN SOCIETY (Through the example of regional science)

A.M. Ablazhey

Institute of Philosophy and Law, SB RAS
Novosibirsk

ablazhey@philosophy.nsc.ru

The article renovates public attitudes toward science, wider - the academic sphere in general, characteristic of the Soviet and post-Soviet periods. As the empirical basis of the analysis the author used the materials of interviews with scientists and faculty in the regions of southern Siberia: Tuva, Khakassia, Altai Republic, and participant observation. It is shown that the position of science in the system of social institutions has changed, but at the level of traditional culture the old stereotypes of piety before the sphere of intellectual production and the people involved in such activities have been still preserved. With regard to the institutions of government, it is noted that regional institutions of government demonstrate the lack of understanding of the power of science. Authorities do not consider it necessary to conduct a discussion of any problems with the participation of scientists, in contrast to the Soviet period. Under these conditions, the most important task for regional scientific communities is to develop and implement an elaborate and realistic strategy of interaction with the local authorities.

Keywords: science, regional scientific community, traditional culture, values, communication strategies.

References

1. Ablazhey A.M. *Sovremennoe sostojanie nauchnyh soobshhestv Sibiri (po materialam sociologicheskikh issledovanij 2003 g.)* [The current state of scientific communities of Siberia (based on sociological studies, 2003)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanitarian sciences in Siberia]. 2004, № 1. P. 71-74.

2. Ablazhey A.M. *Polozhenie nauki i uchenogo v nacional'nyh respublikah Sibiri (v ocenkah chlenov nauchnyh soobshhestv Tuvy i Hakasii)* [The position of science and scientists in the national republics of Siberia (in the estimates of the scientific community of Tuva and Khakassia)]. *Nacional'no-kul'turnaja politika v Sibiri v XX veke* [National Cultural Policy in Siberia in the XX century]. Novosibirsk, 2004. P. 24-269.

3. Bykova N. *RAN ocenila jeffektivnost' svoih institutov* [Russian Academy of Sciences evaluated the effectiveness of its institutions]. URL: http://strf.ru/material.aspx?CatalogId=221&d_no=51562 (dostup 21.01.2013).

4. Ivanova N. *Nauka v global'noj jekonomike* [Science in the global economy]. *Otechestvennye*

zapiski 2002, №7. URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=8&article=386> (dostup 08.09.2010).

5. Kurennoj V. *Gosudarstvo, kapital i mirovoe nauchnoe soobshhestvo*. [State, capital and the global scientific community]. *Otechestvennye zapiski* 2002, №7. URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=8&article=373> (dostup 11.02.2011).

6. Panarin S. *Konfliktnyj potencial social'no-jekonomicheskikh i jetnosocial'nyh processov v respublike Burjatija* [Conflict potential of socio-economic and ethno-social processes in the Republic of Buryatia]. URL: <http://icsps-project.arcon.ru/bulet3/34.htm> (dostup 01.11.2012).

7. Cfasman M. *Optimisticheskaja tragedija: zametki ob otechestvennoj nauke i obrazovanii* [Optimistic tragedy: notes on the national science and Education]. *Otechestvennye zapiski*, 2002, № 2. URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=3&article=174> (dostup 22.03.2012).